

18+

Дарья Рагулина

"Обратная сторона
её души"

«Ты не представляешь, сколько люди готовы
платить за свои тайны.»

Дарья Рагулина
Обратная сторона
её души. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558431

ISBN 9785448562679

Аннотация

Линии судьбы в этой книге сплетаются и расплетаются, путаются, завязываются в узлы, рвутся и снова соединяются. Представляем вашему вниманию историю о том, как четыре мужчины пытались играть душой одной девушки, но вынуждены были проиграть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	41
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Обратная сторона её души

Роман

Дарья Рагулина

© Дарья Рагулина, 2023

ISBN 978-5-4485-6267-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Это очень интересно.

Настя выставила ножку в красивой кремовой туфельке так, чтобы Вера могла ее увидеть. И по голосу было слышно, что вовсе это не интересно, а скорее скучно или даже грустно. Вера на мгновение опустила взгляд на эту туфельку, и ничего в её лице не переменилось, красивая обувь, не более. Они сидели за круглым столиком небольшого уютного ресторана и никуда не торопились, каждая спокойно поглощала свое блюдо: Настя – овощи, Вера – мясо.

– Я хорошо помню, как когда-то безумно хотела новые туфли. – Спокойно продолжила она, так спокойно, будто не с подругой болтала, а читала какой-то доклад. – Я увидела их в магазинчике у дома. Долго на них смотрела, думала, стоит ли тратить на них деньги. Я купила их тогда за две тысячи рублей, радовалась так сильно, будто это новая машина. – Она закатила глаза, поставила ногу обратно под стол. – Теперь покупаю, что хочу: туфли тысяча долларов, блузка пятьсот, юбка... нет, не помню цену юбки.

Она глубоко вдохнула, выдохнула, поковыряла вилкой в тарелке и отодвинула блюдо.

– И что? Ты была тогда библиотечаршей, а теперь ты директор довольно крупного театра. Если тебя это расстраивает, могу поменяться с тобой: ты будешь моей лучшей актри-

сой, а я твоим директором. Пойдет?

Вера откинула с лица свои черные кудрявые локоны и игриво подмигнула Насте. У нее был отличный аппетит, и ее молодое тело не набирало ни грамма лишнего веса, что безумно радовало и ее, и режиссера, работавшего с ней. Она с удовольствием положила в рот последний кусочек мяса и игриво обернулась на официанта, который никак не нес десерт. Они обедали в этом месте практически каждый день, и все официанты знали, что плохое обслуживание этой пары влечет за собой вызов всех администраторов, и яркое представление о том, кто они и как себя с ними нужно вести – поэтому, через мгновение перед ними уже стоял ароматный чай и воздушные пирожные.

– Я не об этом, Вер. Я тогда мечтала о туфлях, о красивых, качественных, дорогих туфлях. Мечтала сама зарабатывать на них. Я думала, что буду счастлива, но ведь нет – туфли и туфли. Пять тысяч евро, или пятьсот рублей – тогда я была более рада им, чем сейчас. Тогда, работая в библиотеке, я была счастлива абсолютно. Теперь, никак не счастлива. Парадокс.

Пирожное она тоже отодвинула, она мало ела не из страха располнеть, а из-за полного равнодушия ко вкусу блюд. Ей было все равно, что на столе, брокколи или шоколадка, поэтому отталкиваясь от здравого смысла, она чаще предпочитала брокколи. Официант принес счет, не глядя в него, Настя достала кошелек, положила несколько купюр.

Неторопливо она прошла до холла, украшенного, зачем-то, звездами разной величины, выглядело пошловато, но впечатление производило. С потолка висела звезда люстра, на стенах звезды из гипса, на полках звезды всех стилей. На одной из стен висел большой аквариум, в нем, конечно же, жили морские звезды. В ресторане было довольно шумно, люди щебетали о своем, в глубине зала играл небольшой оркестр, но среди этого гула она услышала странный грохот, повернулась, у её ног лежала одна из звезд с полки. Золотая комета с длинным хвостом.

– Звезда упала. И что? Желание теперь загадывать? – Настя сказала это сама себе, надула губки, посмотрела на свое отражение в огромном зеркале вестибюля, поморщилась. Ей нравилось в этой одежде – строгие блузки с юбками или брюками, деловые платья, дорогие аксессуары, только все чаще она стала ловить себя на мысли, что хочется надеть простые джинсы и майку. Вот только персонал театра не готов был к такому повороту, и она это понимала. Она имела определенный статус в обществе, и этот статус нужно было поддерживать. Вере было проще – она могла ходить в чем угодно, лишь на спектакль она одевала, то, что требовал режиссер.

Настя запахнула свою песцовую накидку, услужливо накиннутую швейцаром ей на плечи, вежливо улыбнулась, обернулась на Веру, а Вера будто и не планировала уходить. Настя прислонилась к зеркалу спиной, и в голове пронеслась скользкая, противная мысль:

«Зачем я вообще есть? Радоваться разучилась, работаю без чувств, как робот. Привязаться ни к кому не могу. Или не хочу. Да, скорее второе, чем первое. Ничего уже не хочу».

Настя прошла обратно к столику, села на краешек стула, откинула свои пепельно-русые прямые локоны с лица. Вера будто и не заметила того, что она уходила:

– Детка, может ты просто устала? У нас уже конец сезона «Монте-Кристо», давай через пару недель уедем куда-нибудь? В Венецию? Ах, нет, ты же любишь, что-то более мрачное, поехали в Прагу? Или Шотландию? – Вера захлопала ресницами, она обожала любого рода приключения. Её актерский талант приносил ей очень хороший доход, а внешний вид – очень перспективных любовников, поэтому она готова была тратить любые суммы на веселье, себя и отдых. – Мы уже два месяца нигде не были, эти спектакли так выматывают! Поэтому и туфли тебя расстраивают! Это же старая коллекция! Мы купим новые! Ну, Настюль?

Настюля просто несколько раз оживленно кивнула. Ей было все равно. Все равно, что за спектакль идет в её театре, все равно какой доход это принесет (уже давно вся деятельность актерского и режиссерского состава была отработана до идеала), все равно, что её жизнь в безнадежном и безжалостном тупике.

– Пойдем лучше готовиться к пресс-конференции? У нас в апреле должен состояться мюзикл: «В тихом саду», ты же знаешь, что он очень перспективный, но мне не нравятся

числа, которые они выбрали.

Настя решительно встала, повесила сумочку на плечо, Вера поняла, что в этот раз действительно уже необходимо идти, и на ходу промокнув губы от крема, бросила салфетку на стол и поспешила за ней.

– Неужели двадцать первого апреля?

Вера знала, что у её директрисы с этим днем связано что-то особенное, что именно знала, конечно, только сама Настя. Каждый год на этот день она назначала какую-либо фееричную премьеру, сама была сценаристом, сама режиссером, сама костюмером, организатором, менеджером. Подготовку начинала за месяц, что заставляло всех работать, как проклятых. Репетировали бесконечно, много, изнурительно, но всегда постановка была восхитительна, и приносила фантастические результаты для репутации их театра. Сама же Настя, после таких премьер падала там, где стояла и спала несколько дней прямо в театре.

– Да, двадцать первое и двадцать второе апреля. Экономисты вели переговоры о сдвиге дня, хотя бы на двадцать второе и двадцать третье, но этот кретин – Соколов, их директор, уперся и никак не идет мне на встречу.

– Что будешь делать?

– Буду готовить премьеру на двадцать первое апреля, «Капитан Безумие». У тебя главная роль, ты играешь невесту того самого пирата, который взял себе славное имя Безумца, променял тебя на ром и грабежи.

Они легкой, уверенной походкой вошли в здание театра, в холле уже собирались репортеры и журналисты, Соколова пока не было видно, Настя бросила взгляд на огромные старинные часы под потолком с золоченым циферблатом – срок минут до начала.

– Я надеюсь, в этот раз мне не придется играть смерть своей героини? – Вера на мгновение остановилась, дальше им нужно было идти в разные стороны.

– Нет, хэппи-энд, Вера. – Она подмигнула, подала свою легкую накидку Степану, своему секретарю и первому помощнику, улыбнулась ему и отправилась в свой кабинет.

В кабинете она сразу включила Моцарта-реквием, Слезный день. Опустилась в свое кожаное кресло, закрыла глаза, попробовала расслабиться. Через двадцать секунд открыла глаза, достала сотовый телефон, написала Вере сообщение: «Как насчет бутылочки виски вечером?».

Положила телефон на стол, вяло полистала какие-то бумаги на столе. Открыла электронную почту. Ничего важного либо срочного не было. Текучка – такие письма она сразу пересылала менеджерам или ассистентам, а они уже сами занимались тем, кому доверить решение данного вопроса.

Экран телефона моргнул: «Пойдем куда-то, или дома?»

Настя не думая ответила: «У меня, в 20.00».

Ответное сообщение она ждать не стала, Вера никогда не противилась редким потребностям Насти в чьем-либо обществе, она просто приезжала в то место, о котором писа-

лось в сообщении в назначенный час. Первое время ей было странно желание директора напиться раз в месяц, она стеснялась, боялась сказать лишнее, но в итоге поняла, что на таких посиделках Насте просто необходимо разрядить обстановку и сбросить накопившееся напряжение. Болтали они ни о чем, много хохотали, придумывали безумные интриги: шли в бар на всю ночь, или в откровенных платьях пели песни на Арбате, или отправляли с лоджии бумажные самолетики, расписанные любовными посланиями тайному незнакомцу, что его прочтет. Утром они снова становились: директором и актрисой, и все шло своим обычным круговоротом.

Все в театре уважали свою молодую, тридцатидвухлетнюю директрису, все чувствовали правильность принимаемых ею решений и видели результат её работы. Так же и Вера, просто верила в правильность того, что делала Анастасия Михайловна. В театре ценила её лидерские качества и дорожила тем, что босс доверяет ей кусочек своей жизни вне работы.

Настя встала с кресла, поправила макияж у большого зеркала на дверце шкафа-купе, отодвинула дверцу с зеркалом в бок, перебрала пару вешалок, накинула на плечи строгий пиджак синего цвета, выключила музыку и пошла в зал, оборудованный для сегодняшней пресс-конференции. Соколов с деловым видом сидел за столом и оживленно рассказывал журналистам о своем легендарном мюзикле. Присутствие Насти сегодня было лишь формальностью, она сложила ру-

ки на груди и стала лениво наблюдать со стороны за происходящим.

Когда-то ей нравился Соколов, нравился как личность. Давно, в самом начале своего жизненного пути, еще будучи библиотекарем, она восторженно читала каждое интервью этого мужчины. Он был талантливым, даже скорее одаренным человеком, при этом Бог наградил его изумительной красотой – правильные черты лица, синие, живые глаза, сногшибательная улыбка, копна пепельных густых волос, широкие плечи, мускулистый торс – все в нем было идеально. Это был человек лидер, таких интересно знать, о таких приятно разговаривать, таким хочется подражать.

Теперь Настя лишь с безразличным любопытством наблюдала, как все девушки, которые присутствовали здесь, следят за каждым движением его рук, как они слушают его, как ловят каждый его взгляд. Даже Вера, томно смотрела на него из-под своих длинных, густых ресниц, а ведь ей нужно было не тупо смотреть на этого режиссера-постановщика, а обсудить гастроль спектакля «Монте-Кристо» в его питерский театр.

Вера увидела директрису, помахала ей рукой, Настя улыбнулась ей одним уголком губ, погрозила пальчиком. Вера в ответ лишь пожала плечами, будто говоря: «Не знаю даже, как я могла забыть, зачем я тут».

Настя спокойно развернулась и хотела уходить, все шло своим чередом, все были на своих местах, а все важные во-

просы с Соколовым все равно будут решаться утром на совещании, но кто-то из журналистов задал вопрос:

– Андрей Сергеевич, какого числа все-таки будет проходить мюзикл? И когда в продаже появятся билеты?

– Двадцать первого апреля, билеты появятся со дня на день.

Она резко повернулась, в недоумении посмотрела на него, он, как будто издеваясь, повернул лицо в ее сторону, широко улыбнулся ей. Она прищурила глаза, очень медленно отрицательно покачала головой, он подмигнул. Неожиданно у нее сдавило грудь от его наглости, воздух стал горячим и обжег её лицо, ей захотелось дать ему пощечину или просто чем-то ударить, но это чувство быстро ускользнуло, уступив место апатии. Она смогла лишь несколько раз глубоко вдохнуть и решительно ушла из конференц-зала. В коридоре стоял Степан:

– Анастасия Михайловна, завтра в двенадцать Соколов будет у вас. Сегодня ровно в пятнадцать «Монте-Кристо», билетов конечно уже нет. Гример Веры Павловны заболел, но она без скандала согласилась на замену – Афанасьеву Ольгу.

– Отлично, меня сегодня не будет, завтра в одиннадцать кофе и творожные пирожные ко мне в кабинет. – Она остановилась у двери своего кабинета, благодарно посмотрела ему в глаза. – Зачем я это говорю? Ты же сам все это знаешь.

Он счастливо кивнул, потому что действительно всё знал

об Анастасии, знал, что ей нужны пирожные, которые она никогда не ест, обычно они все утро просто лежали на отдельном столе, а потом их съедала Вера, или еще кто-то. Знал, что нужно принести кофе и сливки, и она нальет в кофе столько сливок, что даже вкуса кофе там практически не останется. Он знал все её странности, но не задавал никаких вопросов, поэтому она и ценила его.

Степан открыл ей дверь, Настя вошла, он тихонько прикрыл ее за ней и ушел готовить мюзикл. Настя собрала документы, сложила их в кожаную папку, положила телефон в карман пиджака, тоскливо окинула свой роскошный кабинет взглядом. Все знакомое и чужое одновременно. Стены, которые знали её, как лидера, но не знали, как человека. Настя выключила ноутбук, достала из стола ключи от своей черной Audi TT и, на ходу отдавая последние распоряжения, вышла из здания своего родного и ненавистного театра.

– Ого, а почему ты в таком красивом платье? – Вера встала в проходе двери, опустила пакет с алкоголем на пол, он весело звякнул, а она уперла руки в бока. Сама Вера приехала в теплом свитере и красных леггинсах, поверх накинула спортивную зимнюю куртку, одежда была обычной для домашней вечеринки, состоящей из двух лиц, поэтому она совсем не ожидала увидеть Настю собранной, как на бал. – Я

подумала, что мы будем развлекаться дома!

– Да, мы будем развлекаться дома, проходи. – Настя задумчиво окинула себя и Веру взглядом в зеркало, зеркало было очень широким, во всю стену прихожей. – Мое красное платье подходит к твоим штанкам. Если тебе не хочется быть сегодня пацанкой, могу дать тебе свое любимое золотое платье.

В подтверждение своих слов она сразу пошла в гардеробную и начала перебирать висящие там наряды. Ей сегодня очень хотелось наполнить вечер красотой, поэтому она и выбрала вечернее платье, купленное на открытие сезона «Монте-Кристо». Свои длинные волосы собрала в высокую прическу, а голубые глаза выделила черной подводкой. Единственное, что она не сделала – это не надела туфли, и сейчас конечно смотрелась забавно в домашних шерстяных носках, которые связала мама: их почти не было видно, потому что платье было до пола и свободными волнами лежало вокруг ее ног, но при ходьбе этот момент сразу открывался.

– Насть, два вопроса. Зачем ты в начале февраля открыла окна и есть ли у тебя вторые носки? – Вера переступила с ноги на ноги и пошевелила начинающими мерзнуть пальцами, по полу невыносимо дуло из окна.

– Носки есть, окна можешь закрыть, у меня ужин сгорел, будем кушать бутерброды.

Вера пожалала плечами, прошла в прихожую, закрыла все три окна. В комнате до сих пор тонко пахло горелыми овоща-

ми. Сами овощи уже видимо были надежно спрятаны в мусорном ведре. Вера заглянула обратно в гардеробную: Настя продолжала доставать разные вечерние платья, придирчиво осматривала их и вешала на место.

– Насть, не выдумывай, одень лучше сама что-то менее грациозное, и приступим к бутербродам, я есть хочу.

Настя подумала пару секунд и решила не спорить, расстегнула платье, нашла спортивные брюки и футболку. Она всегда была вот такой, в меру безразличной, в меру веселой, в меру своей. Да, у нее прекрасно было развито чувство меры, возможно, это и привлекало к ней так много людей.

– Верка, я хотела, чтоб мы с тобой как в лучших слоях общества, культурно провели время, поболтали о культуре и таланте, но в итоге что? Ты что, тоже купила две бутылки? – Она столбом встала посреди комнаты и удивленно уставилась на Веру, которая успела поставить на столик широкую тарелку с бутербродами и развела два коктейля в высоких стаканах.

– Ну, пусть лучше останется, только сока я много не взяла, у них был вишневый последний.

Настя села напротив Веры в свое любимое высокое кресло, взяла стакан:

– За все слои населения?

– Угу.

Чокаться они не стали, просто сделали по несколько глотков, обе задумчиво посмотрели в окно, за окном начиналась

вьюга, пригубили еще раз. Настя всегда была похожа на королеву, в этом кресле, в любой одежде и с любой прической, Вера невольно любовалась ею каждый раз, полулежа на белом диване, стоящем напротив.

Настя жила в большой квартире с красивым видом на Москву реку, дизайн комнат прорабатывали специалисты, сама Настя не внесла ни одной идеи в план квартиры. Все было красивым, комфортным, и Насте нравился ярко выраженный минимализм. В прихожей были лишь диван да кресло, стеклянный столик, сдержанные, легкие стеллажи книг и шкаф для верхней одежды, скрытый за зеркалом. На потолке висел проектор, а вся остальная техника была вмонтирована в одну из стен. За перегородкой, выполненной из стекла, находилась кухня. В кухне техника так же была приятно встроена и не бросалась в глаза, мебели было конечно по минимуму – шкаф под посуду, шкаф под продукты, стол и 8 стульев. В ее спальне – кровать, две тумбы, туалетный столик. В спальнях для гостей прилагался небольшой шкаф под те вещи, которые у них могли быть с собой. В ваннных комнатах еще скучнее – лейка душа прямо из потолка, слив прямо в полу, раковина умывальника, шкафчик под средства гигиены и встроенный шкаф под халаты и полотенца. Под потолком имелась хромированная трубка для шторки, которой необходимо было выделить зону душа, но шторку Настя вешать не стала. В ванной было широкое окно, и все шампуни и гели она просто ставила на подоконник. В одной

из трех ваннх комнат все-таки поставили огромную ванну вместо душа, но убрали умывальник, зато на стенах появились полки с огромным количеством свечей, которые никто никогда не зажигал. Вера пыталась пару раз, но так и не дошла со спичками до этой части квартиры. Настя была благодарна дизайнеру за наличие хозяйственной комнаты и гардероба – единственных мест, где было всего много – туда она складировала все, что ей не нравилось в квартире: ковры, вазы, статуи, комод из прихожей. Окон в квартире было много, шторы на них она не вешала.

– Никогда не понимала, почему у тебя так убого? – Вера увидела пульт от музыкального оборудования, направила в потолок, потому что не знала, в какой из стен оно может быть спрятано, нажала кнопку воспроизведения. Комнату наполнила музыка Баха, она скривила губы. – И музыка убогая. – Она пару секунд искала, как убавить звук, но решила просто выключить музыку совсем.

– Знаешь? – Продолжила Вера, подумав. – В такой атмосфере можно сойти с ума. У тебя, как в психушке! Все белое, мебели нет, цветов нет, ничего нет! Фу!

Она залпом допила бокал. На самом деле квартира Насти ее вовсе не раздражала, а вызывала тоску за её хозяйку.

– А зачем? Напротив, ничего лишнего. У нас на работе так много этой пестроты, мне кажется этого достаточно, или нет?

– Что у нас там такого пестрого?

– Возьмем даже эти золотые часы при входе. Они же режут глаза, Вера! А роспись потолка? А малиновый занавес? А все эти пальмы в кадучках?

Вера звонко засмеялась, взяла в руку бутерброд, откусила и с набитым ртом продолжила беседу:

– Занавес у нас не малиновый. Мм, неплохое сочетание вкусов, хорошо, что ужин сторел. Это лучше тушеных овощей. – Она с аппетитом доела бутерброд. – Ладно, хоть вкус в одежде у тебя есть. Да, кстати, что там с туфлями? Прошло это грустное наваждение?

– Это не наваждение. Это сухая правда жизни. Не в роскоши счастье. – Она глубоко вдохнула, поспешила допить напиток, поставила пустой стакан на столик, Вера поспешила повторить коктейль из виски и вишневого сока.

– Как все запущенно. Настя, ты женщина-миллионер. У тебя шесть автономных миллионных предприятий.

– Семь. У меня есть фабрика в Венгрии.

Вера выпучила на нее глаза:

– Да не может этого быть!

– Может.

– Когда ты успеваешь за всей этой гадостью следить?

– Никогда. Они сами работают. Люди в верхушке надежные, если они взорвутся, мне сообщат. А так не беспокоят.

– Вот, столько доходов, а живешь в пещере какой-то! Весь мир открыт тебе, все удовольствия, все радости жизни! А ты сидишь, как кукла! И вообще, как ты это все успела! Нет!

Объясни, как у тебя получилось это все создать в свои года?
Кстати, сколько тебе лет?

– Тридцать три года будет в этом году. Я не успевала, мне делали подарки, я их принимала, управляющие там уже были. Если они меня не устраивали, мне советовали, как найти более подходящую личность. Хотелось, чтобы это приносило хороший доход. Думала, будут деньги, хватит весь мир спасти от зла, а нет, хватает только на больных детишек и стариков, которых бросили. На здоровых детишек, которых бросили, хватает еле-еле.

– Ты что, еще и благотворительностью занимаешься?

– Угу. Спасая свою грешную душу. – Настя скромно улыбнулась. – Я первое время встречалась с этими людьми, которым помогаю, но их так много, у них такая боль в глазах. Я не смогла.

– А зачем тебе наш театр? Ты же там устаешь, это видно.

– Чтобы не сойти с ума.

– Нууу, мать, как все запущенно.

Настя прыснула от смеха:

– Вер, я нормальная. Ты не бойся, у меня была другая квартира. Красивая. И цветы были, и шторы и все, что полагается в нормальном жилье. А в этой квартире, все очень просто. И от этого мне комфортно. Тут не обо что запнуться, тут есть я и есть кучка мебели, которая мне не мешает.

– А как же уют?

– Уют, для тех женщин, у которых есть семья.

– Да, а почему, кстати, у тебя нет семьи?

Настя закрыла глаза, было видно, что дыхание её сбилось, что для ответа на этот вопрос ей необходимо время. Вера на секунду подумала, что раздражает её своими вопросами, но не смогла припомнить Настю раздраженной, она попыталась придумать другое объяснение её сбившемуся дыханию, но не успела.

– У меня была семья.

– Вот как. Вот это поворот, ты их расчленила и съела в старой квартире?

– Вообще нет.

Настя даже брови приподняла от удивления, и конечно сразу представила, что может думать сейчас о ней Вера. Какие образы могут рисоваться в голове людей, не знающих её историю. Мысль об этом заняла её ровно на двадцать секунд, и она обреченно подумала, что на самом деле ей все равно – что о ней думают другие люди и думают ли вообще.

– Ладно, допустим, не мое дело. Объясни, что тебе мешает быть счастливой, иметь семью, квартиру, в которой есть хоть какие-то яркие пятна? А? Ответь мне!

Вера даже не сердилась, ей было забавно выяснить, что не так с её директором.

– Ты пригласила Соколова на свидание?

Вопрос прозвучал резко и неожиданно, но Настя весело прищурила глаза, задавая его, поэтому Вера не услышала этой нотки резкости. А Насте просто не хотелось говорить

о себе, ей хотелось заполнить голову хоть чем-то, что не казалось её жизни.

Вера очень развеселилась от этого вопроса:

– Представляешь! Пригласила! А он! – Она залилась смехом, поставила пустой стакан на стол, сняла свитер, побежала в гардеробную, нашла там шорты и майку, скинула леггинсы. – Можно, да?

Настя кивнула, удобнее развалилась в кресле. В квартире действительно стало жарко, но Настя не понимала от виски это, или от того что квартиру очень хорошо отапливали. Мысли были короткими, несвязными, легко отвлекали от реальности, но Вера, как яркий салют запрыгнула на диван и этим смогла сконцентрировать все внимание на себе.

– После пресс-конференции я к нему такая подхожу, говорю: «Андрей Сергеевич, я знаю в Москве одно прекрасное место! Вам же, наверно, так скучно вечерами в этом огромном городе!». А он мне улыбается и отвечает: «Боюсь, Верочка, что вам не развеять мою скуку». И ушел! Просто развернулся и ушел. Ты была права! Он – кретин! Он даже отшил меня по кретински. Я думала он гораздо интереснее. Я потом весь остаток дня, даже во время спектакля, за кулисами, читала о нем на разных сайтах, пишут, что он загадочно одинок. Вернее у него вроде есть какая-то связь, но что-то не серьезное. Состоял в браке, детей от брака нет. Ты же знаешь, кто была его жена?

Настя задумалась на пару мгновений:

– Модель, вроде, какая-то?

– Да, шикарная женщина! Причина развода: жениться надо было по любви. Вот и скажи, он как вообще? Он в каменном веке живет? Я, конечно, все понимаю, но ведь это так старомодно, брак по любви! Фу, какая пошлость.

– Ну, я тоже довольна старомодна. Так что в чем-то его понимаю.

Вера махнула рукой, наполнила бокалы:

– Слушай, может правда устроим бал? Пошли в гардеробную? Там хоть есть яркие пятна.

– Ты стрекоза, Верка. Это славненько.

Верка в этот момент уже бросила на пол шорты с майкой и начала примерять коктейльные летние платья.

– Вот знаешь, у меня у самой одежды полно, но твоя одежда у меня просто вызывают сладкий восторг. От одного вида твоей одежды я получаю эстетическое удовольствие.

Настя засмеялась и тоже сняла с вешалки платье. Платье цвета марсала из кружева и шелка. От груди до самого подола шла волнообразная полоса камней и жемчуга, она одела его на себя, села на пол, прислонилась к стене. Алкоголь очень быстро ударял ей в голову, потому что пила она его очень редко, вот и сейчас легкое головокружение вызвало волну легкомысленных идей. Но Вера опередила её:

– У меня идея! Давай наделаем классных фотографий и отправим Соколову! Пусть знает, от чего отказался!

– Давай, неси телефон. – Идея Веры была интригой, а На-

стя любила эти Верины интриги. Тем более выпив. Голова ее была еще ясной, но, где-то в глубине груди, она уже чувствовала пузырьки веселья.

Вера захлопала в ладоши, убежала. Прибежала обратно, отдала телефон Насте, стала быстро-быстро перебирать платье, нашла черное, короткое. Платье идеально сидело на ней, она нацепила на себя шляпу, достала с полки черные лакированные туфли на шпильке. Настя, открыла какой-то ящик, порылась в нем, подала ей красную помаду. Вера быстро накрасила свои пухленькие губки, и красиво, как по подиуму, пошла к стеклянной перегородке в гостиной. Встала, запрокинув голову назад, изысканно положила руку на талию и засмеялась. Настя успела поймать в кадр смеющуюся Веру, кадр получился яркий, живой, волнующий:

– Куда ему отправить?

– В вайбер шли, и подпиши что-то.

Настя нашла Соколова в вайбере Веры, отправила фото и быстро напечатала текстовое сообщение: «Мы веселили кретинов и поскучнее».

Печатая это, она успела дойти до своего кресла, уже сидя, еще раз внимательно рассмотрела фото, кивнула удовлетворенная результатом.

– Написала?

Вера вышла из гардеробной уже в шикарном синем платье Chanel, упала в нем на диван, красиво закинула руки за голову.

Настя снова сделала фото, отправила, написала: «Как славно, что мне нет нужды этот прекрасный вечер тратить на тебя».

Вера подбежала, заглянула в экран и захохотала так, что опрокинула стакан с коктейлем на пол. Стакан разлетелся осколками, напиток разлился по белому полу.

Вера ойкнула, Настя засмеялась еще громче её. Вера убежала в хозяйственную комнату, прибежала с тряпкой:

– Слушай, вообще да, это хорошо, что ковров нет и пол кафельный, так бы не отмыли наверно.

Она быстро вытерла лужу, собрала осколки, убежала, вернулась, убежала в кухню, за новым стаканом, от туда крикнула:

– И что? Он молчит?

Настя пожала плечами. Ответных сообщений не было. Ей тоже захотелось принять участие в общем веселье:

– А может мне?

Вера активно закивала:

– Да! Одевай обратно красное! И прическа еще на месте, только давай тоже помаду! И туфли, а не носки!

Настя впорхнула в платье, весело закружилась, достала золотые туфельки, задумалась над позой, закружилась снова, только в поиске интересного места:

– Верка, я захмелела, а у нас еще и бутылка не допита!

А Верка уже отправляла фото, где Настя была с блестящими глазами, и своей фирменной улыбкой. «Завидууй мол-

ча!» – такое сообщение Вера отправила после этой фотографии.

Они бухнулись на диван и уставились в телефон. Под сообщениями появилась надпись: просмотрено. Они в голос завизжали, бросили телефон и убежали в гардеробную.

– Он подумает, что мы дуры.

Вера скинула платье, подняла шорты и майку.

– Да, еще какие.

Но это их ни капли не обеспокоило, они захохотали в голос, до слез на глазах, успокоились лишь минуты через три. Настя тоже сняла платье, но осталась в белье, пошла в комнату и открыла окно.

– Жарко!

– Кондиционер-то для чего у тебя!?

– Я хочу уличный морозный воздух! – Настя распахнула окно шире, в комнату сразу влетела волна снега, и её обдало таким морозом, что она вся покрылась мурашками и поспешила закрыть его обратно.

– Во-во, Снегурочкой станешь.

– Я не думала, что там уже ураган! Ой, ураган это летом. А как же это называется зимой? Ведь тоже ветер, но не ураган. И не торнадо, торнадо – это про Америку скорее.

– Это – метель! Слушай! А где спрятан кондиционер? – Вера обсматривала комнату в поиске хоть каких-то следов кондиционера, но не могла найти, телефон на диване издал веселый звук оповещения.

– Это у тебя на вайбере такой звук?

– Да.

Они испуганно посмотрели на телефон, Настя от окна, Вера от гардеробной. Подходить было страшно.

– Нет, нет, нет! Пока не выпью еще стакан читать не буду! – Крикнула Вера Насте.

– Я тоже!

Они схватили стаканы, ушли в гардеробную, закрыли за собой дверь. Настя ногой отодвинула одежду, которую они, снимая, бросали на пол:

– Чем бы еще его удивить.

Она задумчиво пошла вдоль полок и стеллажей.

– Я придумала! Надо фото в белье! Только увешаться драгоценностями!

– Угу.

Настя снова прыснула от смеха и открыла дверцу отдела с бельем. Идея была вызывающей, но им уже было все равно. Вера довольная своей идеей полезла на верхнюю полку, где стояла коробка с драгоценностями. Достать коробку никак не получалось, а она все тянулась:

– Как же ты её оттуда достаешь!?

Она поставила ногу на полку, попробовала подняться повыше, но коробка никак не доставалась, пальцы соскальзывали с глянцевой поверхности. Настя обернулась, хотела остановить её, но не успела. Нога Веры в туфле соскользнула в тот самый момент, когда она уже успела за край крышки

потянуть коробку к себе и вместе с ней полетела прямо в платье, разбросанные на полу. Настя оцепенела, улыбка сразу пропала с её губ, щеки побелели.

Коробка с треском ударилась об пол, крышка слетела, и по белому полу рассыпались яркие фотографии. Их было не много, не больше тридцати, но на каждой из них Настя была с незнакомым для Веры мужчиной. Каждый снимок был наполнен счастьем момента: они обнимались, смеялись, он кружил Настю на руках, катал на лодке, кормил арбузом, держал за руку и целовал.

Вера почувствовала, как ноги зазвенели болью от удара, посмотрела на Настю в поиске сострадания и поддержки, но лицо Насти стало мраморным, глаза пустыми. Вера так испугалась этого лица, что собственная боль сразу ушла куда-то вглубь мышц и там лишь застенчиво вздрагивала, обещая превратиться в синяк:

– Прости, я не знала. У меня в точно такой же коробке лежат украшения.

– Ничего страшного, я сейчас все уберу.

Настя сказала это одними губами, и медленно начала поднимать фотографии с пола, она не смотрела на них, просто складывала в стопочку, как робот.

– Настя, кто это?

Вера была испугана, испугана своим падением, реакцией Насти на эти фото, у нее был шок, на фото она видела другую Настю – наполненную радостью. Она не знала, как себя

вести, ей было стыдно и удивительно одновременно.

Настя подняла на нее глаза полные тоски, долго молчала, потом очень тихо сказала:

– Это мой муж.

– Почему ты не с ним?

– Потому что он погиб. Он умер двадцать первого апреля. Он нелепо разбился на машине. А я так и не успела ему ничего сказать.

Последние слова она смогла лишь прошептать и тихонько заплакала, отчаянно, горько. Вера испугалась, быстро подползла к ней, крепко прижала к себе:

– Все будет хорошо, не бойся, он знает, он все знает, он все услышал.

Настя устало подняла лицо:

– Вера, мне не нужны квартиры и фабрики. Мне ничего не нужно. Я хочу вернуть его. Я хотела бы отдать все, что у меня есть – но вернуть ему жизнь. Я без него не вижу красок. Мне все равно. Все серое, Вер.

Вера забрала у нее фото, сложила в коробку, отодвинула её.

– Расскажи мне. Прямо сегодня расскажи. Хватит нести в себе эту боль. Ты должна жить, Настя!

В голове Веры моментально появилось объяснение всех поступков её директора, это было так неожиданно и просто, что казалось странным, почему она не понимала этого раньше.

– Зачем? Зачем тебе моя глупая боль? Она когда-то уйдет. Я верю, что мне станет лучше. Но сейчас это так мучительно, Вера.

– Когда это произошло?

– Мне и двадцати пяти еще не было.

Она отвела глаза и устало сделала несколько глотков из стакана.

Вера упрямо потянула её за руку, а Настя удивленно посмотрела в лицо этой девушки, которая была в её жизни, но не считалась даже подругой. Сейчас она увидела в её глазах понимание и желание помочь, это так поразило её, что слезы сами высохли, она встала, оделась:

– Пошли на кухню, там были фрукты, пожует, поболтаем.

– Ну, пошли.

Они сели за стол, придвинули вазу с фруктами, снова наполнили стаканы. Настя начала говорить и поразилась насколько это легко, рассказывать Вере о своем муже, о котором она все эти годы не разговаривала ни с кем, даже с родителями.

– Я увидела его на улице, прямо среди толпы. Я тогда только приехала в Москву, я не ориентировалась вообще, я тогда заблудилась в поисках общежития и все люди шли вокруг так безразлично, что мне хотелось кричать.

Я достала телефон, решила – позвоню Владу, местному студенту, но меня кто-то толкнул, телефон упал, разбился просто намертво, и я так и стояла – разбитый телефон в ру-

ках и нет понимания – куда идти. Я хотела заплакать, но подняла глаза и увидела его лицо. Даже не лицо, глаза увидела. Спокойные, зеленые, казалось, что они светились изнутри. Я уставилась в глаза незнакомому человеку, и казалось, даже моргать не могла. Они для меня были спасательным кругом, и я не имела права их потерять.

Глава 2

– Девушка, может, вы хотите чаю?

– Хочу. Только я потерялась.

– Вы не могли потеряться, потому что вы только что нашлись.

В его глазах была уверенность, надежность. Ему нельзя было не верить. Настя положила сломанный телефон в сумку.

– А после того, как мы выпьем чаю, вы поможете мне найти общежитие?

– Зачем такая красивая девушка живет в общежитии и придумывает его терять?

– Я приехала учиться, я студентка.

– Замечательно, я Игорь.

– Я Настя. – Она протянула ему руку.

Он взял ее руку в свои ладони, и как-то сразу ей стало тепло и спокойно.

– На кого вы учитесь? Я живу рядом с институтом. Можно и у меня жить. Комнаты есть.

– Вы же меня не знаете!

Она захохотала, а сердце её забилося быстро-быстро, как барабан внутри груди, но это было так легко, что ей казалось, будто каждый удар наполняет ее какой-то волшебной жидкостью, от которой тело становится легким и может ле-

тать. В придачу ко всему подул теплый, осенний ветер, раздул её прямые светлые волосы, окутал всю, и она не понимала, от чего под брюками и свитером образовались мурашки – от рук Игоря или от ветра.

– Я тебя знаю, ты Настя. Сейчас за чаем все остальное расскажешь. Пошли уже домой.

Он нежно потянул её руку, и она пошла. Всю дорогу они почему-то молчали, но неловкости от этого не чувствовали, просто шли. Оказалось, что его квартира действительно в доме по соседству с институтом. В лифте они поднялись на шестой этаж.

– Вот, теперь это и твой дом тоже.

Она удивленно подняла брови и шагнула в открытую дверь. Ей под ноги бросилась кошка, рыжая с огромными оранжевыми глазами, мякнула под ногами. Настя всегда именно о такой кошке и мечтала, именно о рыжей, именно с оранжевыми глазами, которая всегда встречала бы её дома, когда она будет возвращаться.

– Это Алиска, у тебя же нет на нее аллергии?

– Нет, у меня вообще аллергии ни разу не наблюдалось.

Она присела, погладила Алиску, кошка сразу радостно замурчала. Настя сняла с себя коричневые оксфорды, поставила их в сторонку, тихонько прошла. Квартира была большой и очень уютной, очень много было в ней разных уютных предметов: цветов, корзин, картин. Игорь уверенно прошел к одной из дверей, открыл ее, там виднелся уютный бежевый

диван с подушками:

– Вот, твоя комната.

– Ты что, шутишь так? Или что?

Он пожал плечами:

– Нет, вроде не шучу. Я же один живу тут. А две другие спальни пустые. А зачем они пустые мне – не понятно.

– То есть, ты планируешь еще одну девушку привести туда, во вторую свободную спальню?

– Зачем? Нет. Мне и с тобой будет хорошо. Ты не сказала на кого учишься.

– Библиотечарское дело.

– Первый курс? – Он задумался на пару мгновений. – Настя! Так ведь пятое сентября! Ты первые дни студентка?

Она ему кивнула.

– Настя, я настаиваю, чтобы ты переезжала ко мне!

Он за руку повел ее в кухню, усадил на стул, включил чайник.

– Почему ты живешь один? Сколько тебе лет? И зачем ты зовешь меня к себе?

Он повернулся к ней, засмеялся, убрал руки в карманы толстовки, достал, обратно повернулся к шкафу с посудой, поставил перед ней красивую кружку с нарисованной ракушкой на боку:

– Все просто. Мои родители уехали жить в другой город. С возрастом надоедает в мегаполисе, и они решили перебраться в небольшой городок в Краснодарском крае. Им на-

доело в шуме жить, а мне нет. Мне двадцать четыре года, я работаю секретарем в одной большой фирме, зарплаты хватит, чтобы нас с тобой прокормить и одеть. Тебя зову, потому что ты особенная. Когда я тебя увидел, я сразу понял, что ты именно та девушка, которая должна быть со мной.

Настя резко встала, хотела уйти, но посмотрела ему в глаза. Игорь говорил правду. Он именно так и чувствовал, что она особенная и что должна жить тут, в его доме. И она осталась. Осталась сразу, без глупых просьб дать ей подумать три дня, без умных речей о том, что он ей совсем не знаком, без сентиментальных возгласов о любви с первого взгляда, и без всех вещей, которые обычно происходят у двух молодых людей, которые только познакомились.

Через пару дней они забрали ее вещи из общежития и сделали дубликаты ключей. Все её вещи Игорь сразу унёс в свою комнату, спокойно расстегнул одну из сумок и стал складывать ее вещи в свой шкаф. Она стояла в дверях, удивленно наблюдала за ним, он во всем был очень решительным и уверенным, даже в движениях, сомнений в нем не было вообще. За эти пару дней Настя успела в этом убедиться. Он был уверен, что пора ужинать. Или, что ей надо взять зонт. Или, что гулять они идут в зоопарк. Или даже сейчас, он был уверен, что её вещи должны лежать в его шкафу.

– Игорь, в моей комнате тоже есть шкаф, и комод там есть. Почему ты выкладываешь всё именно в свой?

Два дня, которые она уже жила у него, она спала в своей

комнате, ей было там приятно и комфортно. Даже в семнадцать лет она понимала, что когда-то он предложит ей спать с ним, но не так быстро. Она просто не успела подготовиться. У нее абсолютно не было опыта физической близости с мужчиной, только теоретическое понимание, о том, что физиологически они устроены совсем не так, как женщины.

– А ты что, собралась жить в отдельной от меня комнате несколько лет? – Он даже не удивлялся, он был поражен её вопросом. Стопка её футболок упала из его рук на пол, он шагнул к Насте, взял ее руку: – Почему мы должны жить отдельно, если я люблю тебя и хочу чтобы ты была максимально рядом.

– Может, потому что я знаю тебя два с половиной дня, и мне всего семнадцать лет?

Ей стало так весело. Внутри Насти сейчас пульсировала яркая звезда, искрилась и рассыпала искры, как бенгальский огонь, с шипением и свистом. Ей хотелось смеяться, кричать, прыгать – ведь самый красивый, честный, добрый и мужественный мужчина из всех, кого она знала, сказал ей, что любит ее. Любит её, Настю. Меркулову Настеньку любит Игорь. Вот этот безупречный мужчина, который похож на принца, от голоса которого ей хочется петь, от глаз которого у нее кружится голова, вот именно он, так просто сказал ей то, о чем она и не думала мечтать.

– Ну и что? Ты просто будешь жить в моей комнате, узнавать меня, взрослеть, и когда будешь готова, мы сходим и по-

женимся.

Он спокойно поднял с пола ее футболки и продолжил разбирать сумки. Она несколько минут стояла в шоке, а потом решила все-таки ему помочь.

Вот так и началась их совместная жизнь. Довольно необычно, но вполне разумно. Оба они осознавали, что поступают абсолютно правильно.

Только узнавать его Насте так и не пришлось, вернее не понадобилось, она с первого взгляда в первый день узнала его, вернее поняла, что для того чтобы любить его, знать его совсем не надо. Она знала, что этот мужчина её, что он всегда будет с ней, и что без него, её самой не будет тоже. Вот так все было просто.

Игорь никогда не лез в её учебу, он знал, что она умница и учится отлично. Он никогда не рассказывал ей о своей работе, он оставлял вопросы карьеры там, где они должны были быть, и, заходя в дом, он погружался в свою молодую жену, в заботу о ней, в их общее вечернее время.

Он никогда не любопытствовал кто ее друзья, и не требовал себя с ними знакомить, он не навязывал ей своих друзей, просто примерно раз в месяц он мог задержаться, о чем предупреждал звонком, или смс: «Я у Соколика, буду в 20.00» или: «Я у Лебеда». Настя всегда смеялась, что его друзья – строго птицы, а он смеялся в ответ и говорил: «Очень важные птицы».

Подруги Насти удивлялись такой их свободной жизни,

удивлялись, что Настя совсем ничего не знает о нем, а она пожимала плечами и не понимала, зачем ей что-то знать, кроме того, что она знает? Настя знала, что её муж верен ей, честен с ней и дорожит ею. Остальное было совсем не важно.

Так они прожили четыре года, душа в душу, вместе. Через четыре года она получила бакалавра, но решила на этом не останавливаться и подала документы в магистратуру. Игорь спокойно кивнул, обнял ее, поцеловал в висок:

– Только сперва мы поедem к морю. Поженимся. Ведь неправильно – быть вместе, но не быть мужем и женой.

– Да, обязательно поженимся, у нас будет много гостей?

– Зачем? Мы же будем у моря. Там будем мы. Ведь свадьба – это наш день.

«И правда, – подумала Настя – какие глупости я говорю! Мы ведь и женимся, только чтобы узаконить наши отношения, хотя они в этом и не нуждаются даже, ведь наша любовь сильнее каких-то там правил и порядков. Любовь наша возникла, и она абсолютна. Она есть и будет вопреки всему. Да, именно так – вопреки всему!»

И уже через месяц они были мужем и женой, только фамилия у нее осталась родная, они как-то совместно поняли, что это удобнее, документы менять не надо, никакой суеты этой глупой. Кольца у них были самые простые, украшенные знаком бесконечности, даже не обручальные. Свое он повесил на шею, на цепочку, чтобы оно было ближе к сердцу, и она поступила также.

Отпуск пролетел как минута, ни дня они не провели спокойно. Они исследовали все экскурсии, какие были доступны на острове Тенерифе, изучили все пляжи, какие смогли, знакомились там с людьми, обедали в разных ресторанах и лишь в последний вечер они остались у себя в номере.

– Как хорошо, что мы с тобой нашлись.

Она прижалась к нему, ладонью провела по его животу. Они лениво лежали прямо на полу, постелив под себя только одеяло с кровати; под головой Игоря лежали две книги, которые они до этого читали, а Настя просто лежала на его груди. Окно лоджии было открыто и впускало жаркий, соленый воздух, перемешанный с ароматов цветущих деревьев, которыми обильно был засажен двор гостиницы под их окнами.

– Вот в моей книге написано, что счастье это путь. Абсолютно согласна с автором. Только знаешь, раньше мой путь был просто счастливым, а с тобой он стал, счастливым в квадрате. Мы с тобой – это счастье, Игорь. – Она подняла на него глаза, перевернулась, поцеловала его губы.

– Если бы ты встретила другого человека, твой путь тоже был бы счастлив в квадрате. – Он не спрашивал, он просто говорил, как и все остальное, потому что он не говорил вещей, в которых не был уверен.

Настя села. Села и уставилась на него так, будто видела впервые:

– Какого другого человека?

– Любого. Мужчину. Который стал бы твоим мужем.

– Зачем мне встречать другого мужчину, если у меня есть ты?

– Ну а если бы ты меня тогда не встретила? А познакоми-лась бы с другим человеком?

– Значит, я встретила бы тебя чуть позже. Через месяц, наверное. Это же очевидно!

– Почему тебе это очевидно?

– Потому что я – это сосуд, а ты это наполнитель. Без тебя я пуста. С тобой я – вот!

Она засмеялась и снова легла, прильнула к нему, ногами обвила его ноги.

– Я люблю тебя, Настя!

Настя подняла на него счастливые глаза, коснулась губами его шеи, весь он сразу восторженно вскрикнул от ее прикосновений, резко перевернулся, оказался на ней и жадно поцеловал ее губы.

Глава 3

– А почему ты никогда не говорила ему, что любишь? –
Время давно перекаатило за полночь, Вера и Настя так и сидели в кухне.

– Потому что мои чувства к нему, они на другом уровне. Был он, и была я. Были мы. Я была полна, я чувствовала жизнь. Не стало Игоря, и меня, вроде как, не стало, то есть я осталась, но во мне нет ничего теперь – ни радости, ни счастья. Я не говорила ему о том, что люблю, потому что чувствовала к нему что-то гораздо большее. И не было смысла искать этому название, это было естественно. Как дышать. Мы чувствовали друг друга в самом важном, в том, чего другие не чувствовали. – Настя тяжело вздохнула. – Вер, прости меня, за этот слезливый вечер. Ты же у меня остаешься сегодня?

– Да, у меня выходной после спектакля. Буду спать до обеда, потом сделаю тебе салатик диетический на ужин. Вечером ты мне расскажешь все до конца, и мы выпьем оставшиеся две бутылки.

– Хорошо. Только там рассказывать больше нечего, в общем-то.

– Нет уж, ты мне должна рассказать все от и до! Мне очень интересно узнать о том, от куда у тебя столько денег и зачем при этом ты продолжаешь работать в нашем театре. Еще

мне интересно, как произошло, что твой муж погиб и почему ты не можешь это пережить до сих пор. Но это все завтра, а сейчас нам предстоит прочитать, что там написал Андрей Соколов.

Настя прыснула от воспоминаний тех фото, которые они посылали ему несколько часов назад, Вера решительно встала, и немного пошатываясь, пошла в комнату, искать телефон.

– Вер, ты тоже захмелела что ли?

Настя поняла, что некоторые предметы в её глазах просто плывут, а некоторые двоются. Очень сильно двоилась Вера в комнате под яркой лампой, Настя закрыла один глаз и в её голове пронеслась блаженная мысль:

«Утром мы не вспомним этот разговор, и это хорошо».

– Захмелела. Чувствую себя пьяным пиратом на корабле, который качается.

Обе они захихикали, Вера вернулась на кухню, села рядом с Настей, и они уставились в экран телефона, где Соколов коротко ответил Вере: «Как тебе удалось Анастасию Михайловну заманить в эту игру?».

– Вот ведь зануда он. – Разочарованно пробормотала Вера. – Ничего нового и интересного. Пойдем спать?

Вера встала и за руку потянула Настю за собой. Они нетвердо дошагали до спальни Насти, Вера чмокнула ее в щеку и открыла дверь напротив. Каждая из них, не раздеваясь, упала на кровать в своей комнате. Вера уснула мо-

ментально, а Настя уставилась в свой белый потолок и воспоминания, как непрошенные гости, полезли в её голову. Она пыталась думать о чем-то, стала анализировать прошедший день, но мысль о туфлях не давала ей покоя, и она во всех деталях вспомнила то яркое, счастливое время, которое ушло далеко в прошлое.

– Тебе не нужно искать подработок, моей зарплаты хватает на все наши расходы.

– Нет, Игорь. Я три года сидела на твоей шее. Почему ты должен меня одевать и кормить? Нет, ладно еще кормить, но одевать? Я сегодня шла мимо одного магазина, а там такие туфли! Игорь! Они как из волшебной страны! Все в цветочках, такие милые и совсем недорогие.

– Сколько они стоят? Я дам тебе денег, вот и все!

Настя даже топнула ногой:

– Нет, я хочу тоже приносить какую-то пользу миру. Хочу знать, что эти туфельки мне не купили, а что я сама, своей головой или руками заработала на них и приобрела. Понимаешь? Сама. Ведь я не картина для красоты, я хочу быть полезной и при этом тебе помогать в плане быта. Или как денежный вопрос в семье называется?

– Не важно, как это называется. Если ты считаешь, что нам не хватает денег на туфли, то я могу сменить работу, или

найти вторую.

– Игорь! Нет! Нам хватает твоей зарплаты! Абсолютно! Но я хочу сама на себя зарабатывать! Хочу чувствовать цену вещей, ценность денег, ответственность за то, что трачу! Развиваться, в конце концов, реализоваться, как личность! Я не собираюсь сидеть дома без дела!

– Хорошо, когда ты все это оценишь и почувствуешь, просто уволишься.

Игорь никогда не спорил с ней, как и она с ним, они подарили друг другу по счастливой улыбке и разошлись по своим делам: он – на работу, она – в институт. В этот же день она устроилась библиотекарем на полставки в филиал, который был рядом с домом, там работали очаровательные люди и жили очаровательные книги. В этой библиотеке все были одной большой семьей и Настю в эту семью приняли легко и радостно. В этой библиотеке Настя хваталась за все, успевала и в фондах и в читальном зале, и в зале периодики. Получала она за это совсем мало, но каждый раз так радовалась этим деньгам, будто не было у нее карточки с деньгами, которые зарабатывал Игорь.

С первой же зарплаты она купила те самые сказочные туфли в цветах, и целый вечер отказывалась их снимать. Игорь бегал за ней по всей квартире, а она звонко смеялась, цокала маленькими каблучками по полу, обдавала его волнами аромата своих духов и, то и дело, цеплялась за мебель подолом своей пышной кружевной юбки. Поймал он ее на кух-

не, где она снова зацепилась юбкой за ручку двери и с визгом остановилась, а он крепко прижал ее, опустил на колени, обнял ее ноги одной рукой, не давая убежать, вторую положил на туфли:

– То есть ради этих милых туфель ты работала целый месяц.

– Да!

– И будешь продолжать работать.

– Да! Игорь! Посмотри! Они просто волшебные! И я сама их смогла купить! Я никого не обременяла, ни у кого не просила, я сама заработала!

– А на мою зарплату ты это сделать не могла.

– Нет! Твою зарплату ты можешь тратить сам! Ты можешь откладывать её на что-то большое! А я мою зарплату буду тратить на маленькое! Вдруг ты захочешь новую машину!

– Я хочу тебе купить машину.

– Зачем? Я не умею ездить! Я умею ходить! И у моих ножек есть чудо туфли, которые я купила сама! – Она подпрыгнула и плюхнулась на колени рядом с ним. Его зеленые глаза искрились теплом и весельем. Его глаза были основой её существования, у нее сводило дыхание от этих глаз, родных и ярких.

Настя закрыла глаза, зажмурилась, дыхание её сбилось

от воспоминаний. Семь лет она не видела этих глаз, которые так ясно сейчас вспомнились. Ей сейчас непонятна была та радость, от тех туфель, которые сейчас бы она ни за что не купила бы. Теперь ей было понятно лишь то, что пустоту в её душе заполнило какое-то вязкое безразличие. Ей было страшно и стыдно от этого. Она знала, как много людей в мире получили гораздо больше боли, чем она, но, тем не менее, жили, были счастливы и верили в добро. Многие женщины, которых она знала, хоронили детей, родителей, иногда всех сразу, но находили силы жить. А она никак не могла смириться с той нелепостью, которая произошла... Которая произошла даже не по её вине, но раздавила её, смяла и чувствовала Настя себя с тех пор именно так: раздавленной и смятой.

Настя резко встала, ушла в ванную комнату, включила ледяную воду, скинула одежду и встала под брызги, бьющие из потолка. Вода была настолько ледяной, что голову ломило от боли, но Настя терпела. Терпела, пока не почувствовала крупную дрожь во всем теле. Дрожащими руками она завернулась в полотенце, клацая зубами, залезла в одеяло и уснула сразу, как только одеяло согрело её продрогшее тело.

Глава 4

Настя ждала Соколова в своем кабинете, холодный душ выгнал из нее весь хмель, поэтому проснулась она бодрой и полной сил, сливки и кофе подняли настроение. Пирожное сиротливо лежало в середине стола. Утром Насте под руку попало серое платье карандаш ниже колена и туфли в тон. Волосы она строго собрала в шишку и чувствовала себя теперь злой учительницей. Но это было как раз тем, что нужно, чтобы Соколов не посмел даже думать о том, чтобы как-то комментировать те фото, что они с Верой посылали ему ночью.

Он вошел в кабинет, она встала, шагнула навстречу, пожала ему руку, указала на стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.